

А. В. КОРОВАШКО (Нижний Новгород)

Рецензия на: Завьялова М. В. Балто-славянский заговорный текст: лингвистический анализ и модель мира / Ин-т славяноведения РАН. — М.: Наука, 2006. — 563 с.

С конца восьмидесятых годов прошлого века заговор перестает быть «отреченным» жанром русского фольклора и становится предметом интенсивных научных исследований. Однако большинство из них не выходит за рамки отдельно взятой традиции, практически игнорируя сравнительный аспект изучения. Важным шагом на пути преодоления этого «изоляционистского» подхода стала публикация работ В. Л. Кляуса «Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян» (1997) и «Сюжетика заговорных текстов славян в сравнительном изучении» (2000), в которых, пожалуй, впервые было проведено «фронтальное» сопоставление сразу нескольких традиций (связанных, впрочем, как ареально, так и генетически).

В монографии М. В. Завьяловой сравнительному анализу подвергается материал белорусских и литовских лечебных заговоров, что, конечно же, является переходом на качественно новый компаративистский уровень, поскольку между собой соотносятся тексты, принадлежащие к различным языковым семьям. Последнее обстоятельство способствует более зримому проявлению типологического сходства, которое с определенной точки зрения представляет собой своеобразный «сухой остаток» этнических и языковых контактов.

Первая глава — «Структурная организация литовских и белорусских заговоров» — посвящена, с одной стороны, выделению и описанию структурно-семантических типов заговорных текстов в указанных традициях, а с другой — особенностям этих текстов на семантико-синтаксическом, синтагматико-грамматическом, словообразовательном и фонетическом уровнях. Сразу же скажем, что выявление лингвистических параметров балто-славянского заклинательного «континуума», осуществленное М. В. Завьяловой, не имеет ничего общего с простой регистрацией языковых фактов. Этому

столь распространенному, к сожалению, подходу исследовательница противопоставляет разработку поэтической «грамматики» заговорного текста. Ей, как мы считаем, удалось привести в систему те языковые приемы, с помощью которых словесная магия берется обеспечить приведение окружающего мира «в некоторое желаемое состояние». Вместе с тем первая глава демонстрирует, что в обеих изучаемых традициях данные приемы являются «общими, однако способы их реализации несколько различаются: белорусские заговоры тяготеют к использованию семантико-синтаксических конструкций на уровне сверхфразового единства, в литовских заговорах чаще используются более скрытые приемы, проявляющиеся на уровне грамматической и фонетической формы слова». М. В. Завьялова склонна к тому, чтобы интерпретировать указанное соотношение в диахронической перспективе. Она полагает, что литовская заговорная традиция отражает более ранний этап воззрений на магическую функцию слова и, следовательно, ее сравнение с белорусскими «замовами» даст возможность установить определенные закономерности в соответствующей жанровой эволюции. Закономерности эти, имеющие, видимо, универсальный характер, заключаются в движении «от заклинания к молитве, от слова-действия к слову-просьбе, от заговаривающего к божественным силам, от минимальных вербальных форм к развернутым эпическим сюжетам». Таким образом, наблюдения М. В. Завьяловой вполне могут быть использованы при разработке «исторической поэтики» заговорного жанра в целом.

Если же говорить о предложенной автором типологической классификации литовско-белорусского заговорного «фонда», то она лишняя раз свидетельствует о «практически неизбежном элементе произвола, который допускает даже весьма квалифицированный специалист, когда он имеет дело с огромным числом группировок и задачей их упорядочивания»¹. Поскольку всякая классификация (за исключением самых простых, осуществляемых на бытовом уровне) строится «на неисчерпанных до конца фактических данных и доказательствах и порой на лич-

¹ Субботин А. Л. Классификация. М., 2001, с. 52.

ных взглядах ее создателя на отдельные ее компоненты»², то в ней практически всегда можно обнаружить «скрытые ошибки и несостоятельные допущения»³. Неудивительно поэтому, что и в образцовой монографии М. В. Завьяловой мы имеем ряд случаев, когда принципы группировки текстов вступают в противоречие с их отличительными чертами.

К заговорам, реализующим схему «как А, так и В» (подтип 2а, по терминологии М. В. Завьяловой), отнесен, например, следующий литовский текст, в котором традиционная формула *quomodo* не просматривается даже в редуцированном виде: «Грызет меня изжога как волк свежее (букв.: зеленое) мясо, как рыба свежую (букв.: зеленую) рыбу, как овца ромашку».

К подтипу 2b («неявное сравнение»), построенное по принципу «существует объект А, обладающий свойствами а, и В, обладающий свойствами b, следовательно, С должен обладать свойствами с (последнее может быть не эксплицировано)» почему-то причислен белорусский заговор, явно относящийся к подтипу 2а: «Стаіць дуб, у дубе смоль, каб из зуба вышла боль» (= как из дуба вышла смола, так из зуба вышла бы боль).

К подтипу 3с («угрожающее обращение (приказ, условия, угрозы, пожелания)») отнесен и такой белорусский заговор «ад залатніка», который по всем признакам принадлежит к подтипу 3а («ласковое обращение (задабривание, просьба)»): «Залатнік, залатнічок, залаценечкі ражок! Сядзь на сваём месці, як пан на крэслі».

В 5 типе («Действия могущественных объектов или персонажей или обращение к ним») выделяется подтип 5а («фактические действия и пожелания»). Однако весьма трудно установить принципиальную разницу между ним и подтипом 2а, о чем свидетельствуют соответствующие примеры из литовской традиции: «Солнце крутится? — крутится, земля крутится? — крутится, месяц крутится? — крутится, зуб крутит? — крутит. Чтоб тебе змея все зубы выкрутила» (= как крутится земля и солнце, так выкрутилась бы и зубная боль); «Чтоб я был такой же чистый, как ты чист» (от бородавок) (= как ты чист, так чтобы и я был таким же чистым).

² Там же, с. 27.

³ Там же.

Примеры, принадлежащие к подтипу 7а («обращение с просьбой к божественным персонажам»), также могут быть интерпретированы в рамках подтипа 2а: «Дева Пресвятая, поскольку ты затоптала ту змею, которая весь мир хотела проглотить, затопчи яд этой змеи, которая укусила, значит, такое-то животное» (= как ты затоптала «космическую» змею, так и затопчи змею, навредившую моему животному).

Столь же странными выглядят примеры, которыми снабжен подтип 5b («просьба о помощи»): «На моры, на лукамор'і стаіць дуб; а ў том дубу два какаты, а ў том какату два зубы — адзін цемянны, другі бакавы. Дуб-дубішча, вазьмі свае зубішча! Калі возьмеш — я цябе люблю, а не возьмеш я цябе зрублю». Где в указанном тексте находится «просьба», остается только гадать: по всем признакам данный заговор следует отнести к типу 3с («угрожающее обращение»). Не менее сомнительным выглядит и выделение подтипа 5с («договор об обмене»), который, по большому счету, дублирует подтип 3b («договор, часто подразумевающий обмен»). То, что в одном случае речь идет о «нейтральном» обращении, а в другом — об обращении к «могущественным» персонажам, существа дела не меняет: смысловое «ядро» всех соответствующих текстов заключается не в дифференциации этикетных формул или различий адресатов, а в обмене как таковым. В противном случае исходный тип можно было бы дробить на бесконечное число подтипов, что, конечно же, подменяет процедуру классификации избыточным механическим описанием.

Вызывают вопросы и некоторые примеры к подтипу 6а («самостоятельные действия самого заговаривающего»). Так, белорусский заговор «ад гадзіны», с не меньшим основанием мог бы появиться и в качестве иллюстрации к подтипу 3с («угрожающее обращение (приказ, условия, угрозы, пожелания)»): «Есць на моры, на лукамор'і куст, а ў кусці чорнае руно, а ў том руні чорная гадзіня Адарэнадзіня. Вот я прашу цябе, Адарэнадзіню, вынь ты свой зуб; а ня выніш свайго зуба — я цябе саломай абнясу і спалю, і папялок разадму».

Нуждается в дополнительной конкретизации и подтип 6е — «метаморфозы» 137

заговаривающего (заговаривающий действует именем другого персонажа)». Ведь между «метаморфозой», то есть превращением, и действием от чьего-либо имени, безусловно, лежит «дистанция огромного размера». К тому же весь иллюстративный материал к данному подтипу представляет собой вариации шаблонной заговорной формулы «не я помогаю», которую весьма трудно рассматривать в качестве полноценной манифестации мотива превращения («образцово-показательную» реализацию последнего дает, например, известный зачин в заговоре из Псалтыри XV века: «Се язъ, зверь юн, очи мои звер[ъ]и...»). Вопрос, можно ли объединять два разных типа в один, вновь является чисто риторическим.

Помимо логических противоречий в классификации заговорных типов обращают на себя внимание и случаи частичного нарушения канонов индукции, то есть правил установления причинных связей между явлениями. Именно такими нарушениями, обусловлено, например, выдвигание тезиса, что «стремление к *законченности* придает заговорному тексту лаконичность и *недосказанность*».

Глава вторая рецензируемой монографии — «Описание картины мира в литовских и белорусских заговорах» — строится на методе тезаурусного словаря, разработанным С. Е. Никитиной. При этом объекты заговорного универсума по своей функциональной направленности распределяются на четыре основные группы: относящиеся к окружающему (внешнему) миру, относящиеся к миру болезней, относящиеся к миру жертвы болезней и принадлежащие миру борьбы с болезнями. Характеристики ключевых концептов этой фольклорной вселенной отличаются, как правило, точностью и убедительностью, однако и здесь мы иной раз наблюдаем нарушение четкой корреляции между фактом и выводом, обобщением и конкретизацией, исходным тезисом и предъявляемым доказательством.

Вот, например, следующее высказывание: «Умеют заговаривать болезни также и мифические персонажи, находящиеся *под дубом*». Чем это утверждение доказывается? Как ни странно, фрагментом текста с прямо противоположной семантикой: «На полі стаю́ дуб, *на* ім сядзелі тры дзявицы...»

Нельзя также согласиться с положением, что в белорусских заговорах образ Иисуса Христа — главного представителя мира борьбы с болезнями — «выглядит... приземленным»: то, что «он ходит в *золотых лаптях* и *шелковых оборках*», говорит, скорее, об идеализированном описании Христа (естественно, что эта идеализация реализуется в системе простонародных, крестьянских представлений). «Приземленность» наблюдалась бы в том случае, если бы Христос ходил в *дырявых лаптях* и *рваных оборках*.

Третья, заключительная глава — «Литовские и белорусские заговоры в ареальном аспекте» — посвящена тем сюжетным изоглоссам, которые выделяются на территории литовско-славянского пограничья. Глава эта ценна прежде всего тем, что в ней предлагаются достаточно четкие лингвистические критерии, позволяющие установить как источник того или иного заговорного текста, так и пути миграции определенного сюжета. К данным критериям относятся, например, контрастное наличие славизмов или, наоборот, балтизмов, перевод устойчивых выражений, характерных для какой-то одной традиции, присутствие малопонятных слов и фраз, происхождение которых объясняется лишь сопоставлением с параллельными конструкциями в тексте-«доноре», следы калек и т. д. С нашей точки зрения, методологические принципы, разработанные в последней главе, могут быть с успехом применены к изучению взаимодействий и контактов между любыми заговорными традициями.

В качестве приложения в книге помещены тезаурусные словари литовского и белорусского заговорного мира. Автор справедливо считает, что их сопоставление с аналогичными словарями других фольклорных жанров, возможное уже в ближайшем будущем, позволит выявить особенности заговорного жанра как такового.

Несмотря на все высказанные нами замечания (они являются лишь результатом крайне внимательного и заинтересованного чтения), обстоятельное исследование М. В. Завьяловой представляет собой значимый вклад в современное «заговорovedение» и, разумеется, будет обязательно востребовано и этнографами, и лингвистами, и фольклористами.